

Л. А. ДМИТРИЕВ

Важнейшие проблемы исследования «Слова о полку Игореве»

Очень часто в работах по «Слову о полку Игореве» отмечается как яркое свидетельство популярности и значимости этого произведения древнерусской литературы то огромное количество исследований, изданий и переводов его, которое накопилось ко времени, когда пишется та или иная книга. Это стало своего рода общим местом в статьях, посвященных «Слову». И, говоря о задачах изучения «Слова о полку Игореве», необходимо остановиться в первую очередь на этом вопросе.

К настоящему времени литература по «Слову» весьма обширна. За время со дня выхода в свет первого издания «Слова о полку Игореве» (1800 г.) до 1954 г. литература по «Слову» учтена в нескольких библиографиях.¹ За десятилетие, прошедшее после выхода в свет последнего библиографического справочника по «Слову о полку Игореве», вышло много работ, посвященных этому памятнику древнерусской литературы. Достаточно сказать, что в общих библиографиях по истории древнерусской литературы Н. Ф. Дробленковой только за 5 лет (с 1955 по 1959 г.) зафиксировано около 150 книг и статей, относящихся к «Слову о полку Игореве».² Не подлежит сомнению, что в специальной библиографии, посвященной только «Слову», число это должно значительно возрасти. Отметим, что и за 1960—1962 гг. вышло немало работ по «Слову»,³ среди которых имеются весьма обстоятельные и принципиально важные исследования, как например сборник «Слово о полку Игореве — памятник XII века».⁴ Таким образом, уже накопившаяся литература по «Слову о полку Игореве» за время после выхода в свет последней библиографии по «Слову» заслуживает спе-

¹ «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. Составила В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., 1940; Слово о полку Игореве Библиографический указатель. Составили О. В. Данилова, Е. Д. Поплавская, И. С. Романченко. Под редакцией и со вступительной статьей С. К. Шамбинаго. М., 1940; «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. 1938—1954. Составил Л. А. Дмитриев. М.—Л., 1955.

² Библиография советских русских работ по литературе XV—XVII вв. за 1917—1957 гг. Составила Н. Ф. Дробленкова. Под редакцией и со вступительной статьей В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1961, стр. 296—384; Н. Ф. Дробленкова. Библиография работ по древнерусской литературе, вышедших в СССР, за 1958—1959 гг. — ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 499—551.

³ Только в трех томах «Трудов» Отдела древнерусской литературы за этот период напечатано 18 статей, посвященных непосредственно «Слову о полку Игореве»; в 1961 г. в издательстве «Художественная литература» вышла книга под редакцией В. Ржиги, В. Кузьминой и В. Стеллецкого «Слово о полку Игореве». Поэтические переводы и переложения.

⁴ Слово о полку Игореве — памятник XII века. Ответственный редактор Д. С. Лихачев. М.—Л., 1962 (далее: Слово — памятник XII века).

циальной библиографии. Думается, однако, что вновь назрела необходимость составления библиографического справочника по «Слову» за период с 1800 г. по год составления такого справочника.

В настоящее время справочники 1940 г. по «Слову» являются библиографической редкостью. Свидетельствуя о большом интересе к «Слову о полку Игореве», этот факт уже сам по себе говорит о необходимости создания такой библиографии по «Слову», в которую была бы включена и вся та литература по «Слову», что вошла в имеющиеся библиографические справочники. Но необходимость составления большого, всеобъемлющего библиографического справочника по «Слову о полку Игореве» диктуется отнюдь не только этим обстоятельством. К библиографии 1955 г. в 1957 г. были сделаны добавления: дополнительно указывалось 97 не занесенных в библиографию работ.⁵ Имеются пропуски и в библиографических справочниках 1940 г. Следует поэтому учесть все пропуски и ошибки указанных библиографических справочников и внести соответствующие добавления и исправления в новый библиографический справочник по «Слову».

В библиографическом справочнике 1940 г. под редакцией С. К. Шамбинаго учтено 197 зарубежных исследований, изданий и переводов «Слова о полку Игореве». Однако цифра эта, хотя в данной библиографии наиболее полно учтена вся зарубежная литература по «Слову», не является исчерпывающей: некоторые работы в этой книге не учтены.⁶ За время же с 1940 г. иностранная литература по «Слову» не описана ни в каком библиографическом справочнике. А именно после юбилея «Слова» 1939 г. за границей значительно возрос интерес к этому памятнику древнерусской литературы. Так, например, Р. О. Якобсон в статье, посвященной обзору работ по «Слову о полку Игореве» в США, отмечает, что «начало систематической работы над „Словом“ в Америке следует датировать 1943 г.».⁷ Только с 1943 по 1956 г. в США вышло 39 изданий по «Слову» и среди них такой капитальный труд, как сборник «La Geste du Prince Igor — épopée russe du douzième siècle».⁸ По данным картотеки Ю. К. Бегунова, который ведет в Секторе древнерусской литературы учет иностранной литературы по древнерусской литературе, к настоящему времени зарубежная литература по «Слову» насчитывает более 500 названий.⁹ Следует учесть при этом, что целый ряд зарубежных работ по «Слову», вышедших за последние два десятилетия, имеет большое научное значение и без ознакомления с ними просто невозможно вести дальнейшие исследования «Слова о полку Игореве».

Все сказанное убедительно свидетельствует о том, что одной из первоочередных задач является составление библиографического справочника по «Слову о полку Игореве», в котором должны быть учтены все работы, как отечественные, так и зарубежные, вышедшие в свет со времени открытия памятника. Библиографический справочник по «Слову» должен отличаться рядом специфических черт. Обилие литературы по «Слову» создает впечатление более чем исчерпывающей полноты в исследовании этого памятника. В действительности же дело обстоит далеко не так, ибо значитель-

⁵ П. Н. Попов. Дополнения к библиографии работ о «Слове о полку Игореве» за 1938—1954 гг. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 706—716.

⁶ В этой библиографии нет, например, указаний на такое важное издание по «Слову о полку Игореве», как первый выпуск сборника «Заметки к „Слову о полку Игореве“», который вышел в Праге в 1936 г.

⁷ Р. О. Якобсон. Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки. — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 102.

⁸ См. указанную статью Р. О. Якобсона (стр. 112—116).

⁹ Пользуюсь случаем поблагодарить Ю. К. Бегунова за сообщенные им сведения.

ная часть этой литературы не имеет никакого научного значения, многое повторяет более ранние работы, большое количество изданий носит компилятивно-популярный характер. В ряде случаев незначительные на первый взгляд, небольшие по объему, напечатанные в малоизвестных изданиях работы могут иметь принципиально важное значение в разработке коренных вопросов в изучении «Слова». Напомним в виде наглядного примера книгу Н. Тихонравова объемом в 75 страниц с подзаголовком «издано для учащихся»,¹⁰ которая явилась новым этапом в изучении «Слова» и не потеряла своего научного значения до сих пор. В библиографическом справочнике по «Слову», учитывая всю литературу, необходимо как-то выделить из всей массы работ те, которые имеют научное значение. Следует очень тщательно продумать тип аннотаций и систему вспомогательных указателей, чтобы интересующийся тем или иным частным вопросом в изучении «Слова» мог составить по библиографии достаточно точное представление о имеющейся по этому вопросу литературе.

В 1946 г. А. С. Орлов писал о первоочередных задачах изучения «Слова о полку Игореве»: «Надо безотлагательно привести в ясность и рассмотреть полную наличность данных самого памятника — прежде всего со стороны языка, в самом широком смысле. Язык — самое опасное, чем играют без понимания и дискредитируют памятник».¹¹ Хотя А. С. Орлов говорил это имея в виду изыскания А. Мазона, однако дискредитация памятника из-за непонимания языка может исходить и от тех, кто не сомневается в подлинности «Слова», но пытается обосновать свои взгляды на «Слово» или доказать какие-либо свои толкования отдельных пассажей в «Слове», не учитывая при этом всех данных языка, не давая себе достаточно ясного отчета, что в эпоху создания «Слова» существовали иные языковые закономерности, к которым нельзя подходить с современными мерками и представлениями о языке.

После 1946 г. по языку «Слова» вышло немало работ. В первую очередь здесь должна быть названа книга С. П. Обнорского,¹² в которой большой раздел посвящен языку «Слова». О вопросах языка «Слова о полку Игореве» писали Б. А. Ларин, Н. А. Мещерский, С. И. Котков.¹³ За это же время вышел в свет ряд ценных работ, посвященных ориентализмам «Слова», в которых приводятся убедительные доводы в пользу раннего

¹⁰ Н. Тихонравов. Слово о полку Игореве. Издание второе, исправленное. М., 1868.

¹¹ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1946, стр. 212.

¹² С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946.

¹³ Б. А. Ларин. 1) Из истории слов. — В кн.: Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880—1944). Л., 1951, стр. 191—200; 2) Очерки по фразеологии. — Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 198, Серия филологических наук, вып. 24, 1956, стр. 220—224; Н. А. Мещерский. 1) К вопросу о территориальном приурочении первоначального текста «Слова о полку Игореве» по данным лексики. — Ученые записки Карельского государственного педагогического института, т. III, вып. 1, Серия историко-филологических наук. Петрозаводск, 1956, стр. 64—88; 2) К толкованию лексики «Слова о полку Игореве». — Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 198, Серия филологических наук, вып. 24, 1956, стр. 3—9; 3) К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 43—48; С. И. Котков. 1) Из курско-орловских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве». — Ученые записки Орловского государственного педагогического института, т. IX, вып. IV, 1954, стр. 3—23; 2) Слово о полку Игореве (Заметки к тексту). М., 1958; 3) Из старых южновеликорусских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 65—74.

происхождения восточной лексики «Слова».¹⁴ Однако, как отмечает один из последних исследователей восточных языковых элементов в «Слове», работа над ориентализмами «Слова» должна быть продолжена: «От дальнейшей совместной работы славистов, главным образом с востоковедами, будет зависеть окончательное суждение об этом памятнике».¹⁵

Названные выше и ряд аналогичных исследований значительно расширили наше представление как о грамматическом, так и о семантическом строе языка «Слова о полку Игоре»е», дали ценный материал в подтверждение подлинности памятника, датировки его XII в.

Следует, однако, отметить, и это в какой-то степени общая тенденция большинства работ по «Слову о полку Игоре»е» последнего времени, что исследования языка «Слова» посвящены преимущественно частным вопросам, наблюдениям над отдельными словами, оборотами, а не рассмотрению совокупности всех языковых вопросов памятника. Надо как-то систематизировать, обобщить все эти отдельные, очень ценные и интересные лексические и грамматические наблюдения над языком «Слова о полку Игоре»е». Назрела необходимость большого монографического исследования языка «Слова». В «Слове о полку Игоре»е» зафиксировано гапаксов более, чем в каком-либо другом памятнике древнерусской литературы. Многие слова «Слова о полку Игоре»е» не обнаружены в дошедших до нас текстах XII—XIII вв. и встречаются только в памятниках, начиная с XIV—XV вв. (по крайней мере по данным имеющихся в наше время словарей древнерусского языка). Это положение требует самого обстоятельного и тщательного исследования. Прежде всего следует уточнить статистические данные о гапаксах в «Слове» и о словах, не зафиксированных в одновременных «Слову» текстах, составить словарь этих слов. Всесторонний лингвистический анализ этого слоя словарного состава «Слова о полку Игоре»е» является одной из актуальнейших задач в исследовании языка интересующего нас памятника. Следует провести типологическое сопоставление отмеченных особенностей «Слова» с другими памятниками древнерусской письменности. Вполне возможно, что такое сопоставление покажет, что «Слово» в этом отношении не представляет собой явления исключительного.

Для успешного решения всех вопросов лингвистического изучения «Слова о полку Игоре»е» необходимо создание словаря «Слова». Работа над таким словарем ведется в настоящее время в Секторе древнерусской литературы. Этот словарь даст новый богатый материал для дальнейших исследований по языку «Слова о полку Игоре»е», поможет комментаторам и переводчикам памятника.¹⁶

¹⁴ С. Е. Малов. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игоре»е». — ИОЛЯ, т. V, вып. 2. М., 1946, стр. 129—140; В. А. Гордлевский. Что такое «Босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игоре»е»). — ИОЛЯ, т. VI, вып. 4. М., 1947, стр. 317—337; A. Zajączkowski. Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Wrocław, 1949; K. H. Menges. The oriental elements in the vocabulary of the oldest Russian epos, the Igor' Tale. New York, 1951.

¹⁵ A. Zajączkowski. Związki językowe połowiecko-słowiańskie, стр. 62. Цит. по: Н. М. Дылевский. Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игоре»е» по старым и новым данным. — В кн.: Слово — памятник XII века, стр. 254.

¹⁶ См.: Б. Л. Богородский, Б. А. Ларин и Д. С. Лихачев. О словаре-комментарии «Слова о полку Игоре»е». — ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 424—441. В разделе «Общие положения» авторы, в частности, пишут: «Потребность в „Словаре-комментарии Слова о полку Игоре»е“ особенно сильна среди литературоведов, ибо изучение „Слова“ в настоящее время зашло в тупик из-за отсутствия исходных фундаментальных работ, опираясь на которые можно было бы производить дальнейшие исследования. Каждый исследователь стиля „Слова“, его языка, его идей-

Во многих работах последнего времени отмечалось, что в первом издании «Слова о полку Игореве», как показывают вновь найденные языковые, исторические, археологические данные, а также уточненные обстоятельства истории первого издания, был довольно точно воспроизведен текст рукописи «Слова». Но нельзя не согласиться и с теми исследователями, которые отмечают наличие позднейших наслоений в тексте «Слова» по первому изданию. Л. П. Якубинский, сопоставляя соответствующий отрывок из «Слова» с текстом известной приписки к Апостолу 1307 г., приходит к заключению, что «текст записи (Апостола 1307 г., — Л. Д.) дает несколько более архаичные формы, чем текст „Слова“». ¹⁷ Это обстоятельство на первый взгляд, казалось бы, может быть ценный материал для тех, кто пытается поставить под сомнение подлинность памятника, опровергнуть время создания его в XII в. Однако не меньше оснований видеть в этом одно из подтверждений подлинности «Слова», одно из доказательств раннего времени его создания. По тем сведениям о погибшей рукописи «Слова», которые дошли до нас, она датируется обычно концом XV—началом XVI в. и при переписке или нескольких переписках в этой рукописи не могли не появиться какие-то подновления языка. Л. П. Якубинский, говоря о более архаичном в грамматическом отношении виде записи в Апостоле 1307 г. по сравнению со «Словом», сразу же объясняет это обстоятельство: «...это и понятно — автор записи располагал списком „Слова“ конца XIII—начала XIV в.: он писал в 1307 г., а список „Слова“ XV—XVI вв. подвергся в отношении языка некоторому подновлению». ¹⁸ По смыслу же и содержанию эта приписка по сравнению с текстом «Слова» является явно вторичной, что подробно рассмотрено Д. С. Лихачевым. ¹⁹ Таким образом, то, что запись на Апостоле 1307 г. со стороны орфографии и лексики выглядит старше соответствующего отрывка «Слова», отнюдь не является доказательством первичности записи и вторичности «Слова»: помимо лингвистических категорий, необходимо принимать во внимание и весь контекст, окружающий эти отрывки, их смысловое и логическое содержание. И при учете всех этих обстоятельств, казалось бы, парадоксальное положение — вторичный текст выглядит архаичнее первичного — не только не должно вызывать недоумения, а может расцениваться как лишнее свидетельство о времени создания текста и о датировке того списка, по которому этот текст издавался первыми издателями. Помимо сопоставлений с записью на Апостоле 1307 г., Л. П. Якубинский приводит ряд случаев, когда церковнославянские формы отдельных слов в «Слове о полку Игореве» в параллельных соответствующих чтениях «Задонщины» имеют более чистые древнерусские формы. И это подтверждает лишь предположение Л. П. Якубинского, что видоизмене-

ного содержания, жанра, каждый переводчик „Слова“ вынужден сам предпринимать розыски лексических и фразеологических параллелей, выяснять значение того или иного слова и т. д. В результате — неизбежная неполнота привлекаемых материалов и обидный отпечаток дилетантизма на работах по „Слову“. Исследователи без конца повторяют друг друга и в конце концов вынуждены пользоваться случайными материалами, которые они не без труда обнаруживают» (стр. 424); см. также: Л. А. Дмитриев. Обсуждение проекта «Словаря-комментария Слова о полку Игореве». — Научные доклады высшей школы, Филологические науки, № 4, 1961, стр. 159—163; М. А. Салмина. Обсуждение проекта «Словаря-комментария Слова о полку Игореве». — ТФДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 594—595.

¹⁷ Л. П. Якубинский. О языке «Слова о полку Игореве». — Доклады и сообщения Института русского языка, вып. 2. М.—Л., 1948 (далее: Л. П. Якубинский и др.), стр. 73.

¹⁸ Там же, стр. 73—74.

¹⁹ Д. С. Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности. — В кн.: Слово — памятник XII века, стр. 25—26.

ния в тексте «Слова» «под пером поздних переписчиков... были внесены в период с конца XIV по первую половину XVI в., и как раз в смысле некоторой церковнославянизации текста».²⁰ Отдельные соображения в связи с проблемой «Задонщина» и «Слово о полку Игореве» мы еще выскажем далее, но сейчас необходимо отметить, что работу Л. П. Якубинского по сопоставлению «Слова» с «Задонщиной» в плане выявления возможных более ранних форм и чтений в «Задонщине» по сравнению со «Словом» необходимо продолжить, чтобы с достаточной убедительностью обосновать закономерность и возможность этого явления. Такую работу необходимо проделать, тем более что все последние исследования, посвященные лингвистическому сопоставлению «Задонщины» со «Словом», рассматривают только вопрос о более позднем характере лексических и грамматических форм в «Задонщине» по сравнению со «Словом», что при наличии работы Л. П. Якубинского выглядит несколько односторонне.²¹

Хотя Л. П. Якубинский в своей статье и пишет, что «критика текста „Слова“ и попытка восстановления оригинального текста» не являются задачами его исследования,²² тем не менее методология его работы имеет принципиально важное значение и в вопросах текстологии «Слова». Расширение наших представлений об истории первого издания «Слова»,²³ главное, выяснение тех текстологических принципов, которыми руководствовались первые издатели, публикуя древнерусский текст памятника,²⁴ делают одной из актуальных задач критическое издание текста «Слова о полку Игореве»; при этой работе необходимо не только учитывать статью Л. П. Якубинского, но и продолжить начатую им работу.

На основе такого издания «Слова о полку Игореве», которое должно дать канонический текст памятника, на основе данных словаря «Слова о полку Игореве» можно будет составить подробный грамматический комментарий ко всему тексту «Слова». Такой комментарий предохранит исследователей от недостаточно продуманных и аргументированных, с точки зрения грамматических форм, толкований и поправок текста произведения, даст ценный и убедительный материал в подтверждение датировки «Слова» XII в., для уточнения времени списка, с которого делалось первое издание. Подробный грамматический комментарий к «Слову о полку Игореве» явится прочной основой для исследования морфологии языка «Слова», даст возможность предпринять попытку отделить те элементы, которые принадлежат авторскому тексту «Слова», от тех, которые проникли в морфологию «Слова» позднее в результате переписки памятника в XIII—XV вв.

В самом начале статьи отмечалось обилие работ по «Слову о полку Игореве», выходящих как в Советском Союзе, так и за рубежом. Подавляющее большинство этих работ посвящено отдельным, частным вопросам «Слова о полку Игореве». Особенно много работ комментаторского харак-

²⁰ Л. П. Якубинский, стр. 70.

²¹ См.: В. А. Виноградова. 1) Лексическая вторичность «Задонщины» сравнительно со «Словом о полку Игореве». — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 20—27; 2) «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» по некоторым данным морфологии. — В кн.: Слово — памятник XII века, стр. 254—275.

²² Л. П. Якубинский, стр. 76.

²³ См.: Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1960.

²⁴ Д. С. Лихачев. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 66—89.

тера. Необходимо отметить, что в последнее время было предложено немало весьма убедительных и оригинальных толкований отдельных слов, отрывков, образов памятника, либо по-новому раскрывающих текст «Слова», либо подтверждающих новыми данными ранее существовавшие гипотезы. Напомним некоторые новые прочтения и толкования текста «Слова», наиболее интересные и заслуживающие внимания. Предложенное Р. О. Якобсоном чтение фразы «Слова» «утрь же (утрьже Е) возни стрикусы (вазнистри кусы Е)»²⁵ совершенно по-новому раскрыло содержание этого темного места в «Слове о полку Игореве» и было благоприятно встречено многими исследователями «Слова».²⁶ Ряд оригинальных соображений комментаторского характера с привлечением параллелей из вайнахских языков (один из горских языков Северного Кавказа) высказан в статье Д. Д. Мальсагова «О некоторых непонятных местах в „Слове о полку Игореве“».²⁷ Особенный интерес, на наш взгляд, представляет толкование автором фразы «Слова» «а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ»,²⁸ тем более что близко по смыслу это же место перевел и С. Н. Плаутин.²⁹ Интересные параллели из памятников переводной литературы привел к «бобрюну рукаву» Ярославны Н. А. Мещерский, позволившие ему высказать предположение, что «бобрый рукав» — это рукав из шелковой материи, а не из меха бобра.³⁰ Убедительно раскрыт Ю. М. Лотманом смысл до сих пор остававшегося неясным предложения «суть бо у ваю желъзныи папорзи подъ шеломи латинскими».³¹ Примеры эти можно было бы значительно умножить, не говоря уже о толкованиях и комментариях спорных, недостаточно убедительных или просто фантастических (есть и такие).

Для успешной работы над «Словом» любого характера, для того чтобы «исследователи не повторяли друг друга» (прим. 16 на стр. 124), необходимо иметь представление обо всех существующих в литературе по «Слову» комментариях и толкованиях текста. Просматривать для этого всю многоязычную литературу по «Слову» — труд чересчур большой и малопродуктивный. Поэтому совершенно необходимо создание свода всех накопившихся к настоящему времени комментариев к «Слову о полку Игореве». До сих пор неоценимой в этом отношении является книга В. Н. Перетца «Слово о полку Игоревим»,³² в которой в комментариях приводятся существовавшие в науке к 1926 г. комментарии и толкования

²⁵ La Geste du Prince Igor' — épopée russe du douzième siècle. New York, 1948, стр. 68. Буквой Е обозначаем чтение по Екатерининской копии.

²⁶ См.: Н. М. Дылевский. «Утръ же возни стрикусы отвори врата Новуграду» в «Слове о полку Игореве» в свете данных лексики и грамматики древнерусского языка. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 60—69; Д. С. Лихачев. «Возни стрикусы» в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 587.

²⁷ Чечено-ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Известия, т. I, вып. 2. Языковедение. Грозный, 1959, стр. 120—167.

²⁸ Там же, стр. 159—162.

²⁹ С. Н. Плаутин. Слово о полку Игоревѣ. Исправленный и неисправленный тексты. Перевод и примечания. Париж, 1958, стр. 15 и 40. Заметим, что Д. Д. Мальсагов и С. Н. Плаутин ни в коей мере не зависят один от другого: хотя книга С. Н. Плаутина вышла в свет годом раньше статьи Д. Д. Мальсагова, но в рукописи статья Д. Д. Мальсагова присылалась автором на отзыв в Сектор древнерусской литературы Института русской литературы еще до того, как вышла книга С. Н. Плаутина.

³⁰ Н. А. Мещерский. К толкованию лексики «Слова о полку Игореве», стр. 5—6.

³¹ Ю. М. Лотман. О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 37—40.

³² Акад. Володимир Перетц. Слово о полку Игоревим пам'ятка феодальної України — Руси XII віку. Вступ., текст, коментар. У Києві, 1926.

к «Слову». Но книга эта, изданная в трудные 20-е годы в Киеве небольшим тиражом, в настоящее время стала библиографической редкостью. Со времени выхода ее в свет появилась огромная литература по «Слову», учесть в сводном справочнике-комментарии к «Слову» все то, что было сделано нового в комментировании памятника за этот период, совершенно необходимо. Нам представляется, что в такой сводный комментарий-справочник по «Слову» должны быть включены все существующие к настоящему времени комментарии и толкования к тексту «Слова о полку Игореве»: как бесспорно всеми принятые и обстоятельно обоснованные, так и явно спорные, необидительные и отвергнутые научной критикой. Следует, разумеется, не просто собрать в одну книгу все накопившиеся более чем за полуторавековую историю изучения «Слова» комментарии к нему, а высказать свое к ним отношение, отделить то, что имеет действительно научную ценность, от фантастических домыслов и дилетантских упражнений. Полнота же справочника-комментария по «Слову» даст возможность каждому, кто интересуется и занимается «Словом», прежде чем приступать к собственным изысканиям, познакомиться со всем сделанным до него, в том числе с ошибочными и неверными толкованиями, чтобы избежать повторений. Необходимо при этом учитывать не только комментарии, но и имеющиеся переводы «Слова», в которых могут быть свои толкования текста. Так, например, Н. В. Шарлемань несколько лет назад предложил новое объяснение одного из темных мест «Слова» — «Всю ночь съ вечера босуви врани възграяху, у Пльсьнска на болони бѣша дѣбрь Кисаню, и не сошлаю къ синему морю». Он считает, что «Пльсьнск» и «дѣбрь Кисаня» — совершенно определенные географические названия мест в районе Киева, около Подола.³³ Н. В. Шарлемань отмечает, что уже В. В. Капнист в начале XIX в. «предложил гипотезу о том, что Плесньск „селение за Подолом, за Кириловской Монастырь продолжающееся и ныне называется Плоское“».³⁴ Но перевод «Слова» Капниста и его комментарии к нему были опубликованы только в 1950 г., а толкование В. В. Капниста до этой публикации не было известно.³⁵ Между тем так же это место понимал Н. Бицын (Павлов), о чем можно судить по его переводу «Слова»: «С вечеру во всю ночь каркали вороны у Пленьска, на Подоле, где дѣбрь Кисанова, — и понесло их вдруг к синему морю!».³⁶ Но о переводе этого места Н. Бицыным Н. В. Шарлемань ничего не говорит. Если бы существовал свод всех комментариев и толкований «Слова», в котором учитывались бы и данные переводов, то, по всей видимости, Н. В. Шарлемань, давая свое толкование данного отрывка из «Слова о полку Игореве», учел бы перевод Н. Бицына.

Создание сводного комментария-справочника по «Слову о полку Игореве» позволит уточнить, что в «Слове» в первую очередь требует дальнейших дополнительных изысканий, дополнений, поправок, пересмотра. Приведем в этой связи лишь один небольшой, но весьма характерный пример. Во всех случаях, когда комментируется имя Ярославны, говорится, что Ярославна — дочь Ярослава Владимировича, князя Галицкого (Ярослава Осмомысла «Слова»), что в «Слове» она названа по отчеству, а имя

³³ См.: Н. В. Шарлемань. 1) Заметки натуралиста к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 59—64; 2) Из комментариев к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 227—228.

³⁴ Н. В. Шарлемань. Заметки натуралиста к «Слову о полку Игореве», стр. 60.

³⁵ См.: Д. С. Бабкин. «Слово о полку Игореве» в переводе В. В. Капниста. — В кн.: Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 320—399.

³⁶ Русский вестник, т. 110, февраль, 1874, стр. 789.

ее Ефросиния. Очень часто сообщается, что Ярославна была второй женой Игоря и что бракосочетание их состоялось за год до похода, воспетого в «Слове», т. е. в 1184 г. Однако нигде не указывается, откуда взяты все эти сведения о Ярославне. Приходится поэтому считать, что источником в данном случае является первое издание «Слова». В предисловии к первому изданию мы читаем: «Игорева супруга княгиня Ефросиния (дочь князя Ярослава Владимировича Галичского), оставшись в Путивле, возносит жалобный голос свой то к ветру, то к солнцу, то к реке Днепру».³⁷ В первом комментарии к древнерусскому тексту «Слова» в первом издании к имени Игоря сообщается: «Игорь Святославичь родился 15 апреля 1151 года; во святом крещении наречен Георгием; женился в 1184 году на княжне Евфросинии, дочери князя Ярослава Володимировича Галичского».³⁸ Можно определить источник, к которому восходят эти сведения первого издания, — это «Родословник князей великих и удельных рода Рюрика», являющийся 5-й частью «Записок касательно Российской истории» Екатерины II, который вышел в свет в 1793 г. Заслуживает внимания то обстоятельство, что в екатерининских бумагах по «Слову» имя Ярославны нигде не комментируется, а во вступительной заметке, написанной А. И. Мусиным-Пушкиным,³⁹ Ярославна названа женой сына Игоря Владимира: «Княгиня Ярославна супруга младого Владимира князя Путимльского...».⁴⁰ Впервые говорится, что у Игоря была жена Ефросиния Ярославна, во вступительной заметке к переводу «Слова» XVIII в., дошедшему до нас в трех списках.⁴¹ В «Родословнике» Екатерины о Ярославне сообщалось следующее: «У князя Святослава Ольговича Черниговского было три сына: 1) Князь Ольг... 2) Князь Игорь, супруга его была княгиня Евфросиния, дочь князя Ярослава Владимировича Галичского; у него было пять сынов».⁴² «В 1188 году. Октября 1 дня преставился князь Ярослав Владимирович Галичский... У князя Ярослава Владимировича было три сына... да дочь 4) княжна Евфросиния, супруга князя Игоря Святославича Северского, свадьба была в 1184 году».⁴³ Откуда взяты все эти сведения Екатериной II, мы не знаем. В известных нам летописях жена Игоря ни по имени, ни по отчеству не названа нигде. Имеется лишь единственное косвенное указание на то, что жена Игоря действительно была дочерью Ярослава Владимировича Галичского. Ипатьевская летопись под 1183 г. сообщает: «В то же время Володимер Ярославич Галичкий, шюрин Игорев, бяшетъ у Игоря, зане выгнан бяшетъ отцомъ своим из Галича».⁴⁴ Разумеется, такая летописная заметка не могла послужить предлогом для тех сведений о Ярославне, которые сообщаются Екатериной, мало того, эта заметка, видимо, вообще не была известна Екатерине; если из нее явствует, что уже в 1183 г. Владимир Ярославич Галичский был шурином Игоря, то Екатерина никак не могла бы сообщить, что Игорь женился на Ярославне в 1184 г. Бесспорно, что Екатерина располагала какими-то другими источниками, какими-то родословцами, где сообщались все эти сведения. Разобраться в этом необходимо. По всем летописным

³⁷ Ироническая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича. М., 1800, стр. VI.

³⁸ Там же, стр. 1.

³⁹ См.: Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игоре».

⁴⁰ Там же, стр. 326.

⁴¹ Там же, стр. 336. Отметим, что Татищев упоминает о встрече Игоря с женой после бегства из половецкого плена, однако нигде имени жены Игоря не называет.

⁴² Родословник князей великих и удельных рода Рюрика. СПб., 1793, стр. 105.

⁴³ Там же, стр. 139—140.

⁴⁴ ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, столб. 633.

источникам Игорь Святославич называется князем черниговским.⁴⁵ Однако один из основных источников по истории черниговской генеалогии — Любецкий синодик — не называет Игоря Святославича в числе черниговских князей. Вслед за именем Ярослава Всеволодовича черниговского, после которого, по летописным сведениям, в Чернигове княжил Игорь,⁴⁶ в Любецком синодике назван неизвестный князь Феодосий. Имя жены этого князя Ефросиния: «Помяни, господи, благоверных великих князей чернеговских, киевских и протчих... Великого князя Ярослава Чернеговского, в иноцех Василя, и княгиню его Ирину. Великого князя Феодосия чернеговского и княгиню его Евфросинию».⁴⁷

О том, кто такой этот Феодосий, существуют различные предположения.⁴⁸ Но невольно возникает вопрос: не идет ли здесь речь об Игоре Святославиче? Может быть, Феодосий — иноческое имя, принятое Игорем перед смертью? С. Н. Плаутин в конце комментариев к тексту и переводу «Слова» помещает краткие сведения об Игоре, Олеге Гориславиче (Святославиче) и Рюрике Ростиславиче. В заметке об Игоре без каких-либо ссылок он, в частности, пишет: «В тех же примечаниях к первому изданию Слова сказано, что Евфросиния была второй женой Игоря и что она будто бы вышла за него замуж в 1184 году. Оба указания ошибочны: Игорь Святославович был женат только один раз».⁴⁹ В публикуемых в настоящем томе «Трудов» заметках к «Слову о полку Игореве» С. В. Соловьева более подробно обосновывается предположение, что сведения о том, что Игорь вторично был женат на Ярославне, ошибочны.⁵⁰

Итак, мы видим, что, казалось бы, ни у кого и никогда не вызывавшее сомнение имя Ярославны при сведении воедино имеющихся к этому имени комментариев и их источниковедческом анализе вызывает множество вопросов, требующих пристального внимания и обстоятельного исследования. Тщательное изучение этого вопроса, казалось бы совершенно незначительного и частного, важно не только для верного исторического комментирования «Слова», но и может дать ценный материал, пополняющий уже имеющиеся аргументы, подтверждающие подлинность «Слова о полку Игореве». Вместе с тем данный случай убедительно показывает, что в «Слове о полку Игореве» нет мелких, незначительных вопросов.

В последние годы, главным образом в трудах В. П. Адриановой-Перетц, а также в работах В. Ф. Ржиги, рассматривался вопрос о первона-

⁴⁵ Ипатьевская летопись под 1198 г. сообщает о том, что Игорь после смерти Ярослава Всеволодовича занял черниговский стол. Воскресенская, Никоновская, Тверская летописи, Московский свод XV в. под 1202 г. помещают сообщение о смерти Игоря, называя его полным именем и князем черниговским; Лаврентьевская летопись под 1202 г. тоже сообщает о смерти черниговского князя Игоря, но не называет отчества князя.

⁴⁶ «В лето 6706. Преставися Черниговьскыи князь Ярослав Всеволодичъ... Итого ради седе на столе его благоверны князь Игорь Святъславичъ» (ПСРА, т. II. СПб., 1908, стлб. 707—708).

⁴⁷ Р. В. Зотов. О Черниговских князьях по Любецкому синодику. СПб., 1892, стр. 24—25. В книге Р. В. Зотова неоднократно упоминается имя Ефросинии Ярославны, жены Игоря Святославича, но всюду со ссылками на «Слово о полку Игореве», на исследования по «Слову» или в связи со «Словом», а не в связи с текстом Любецкого синодика.

⁴⁸ Р. В. Зотов. О Черниговских князьях по Любецкому синодику, стр. 41—42.

⁴⁹ С. Н. Плаутин. Слово о полку Игореве, стр. 60.

⁵⁰ С. В. Соловьев. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве». — ТОДРА, т. XX. М.—Л., 1964, стр. 368—388.

чальном тексте и объеме «Задонщины», о характере взаимоотношений текстов «Задонщины» и «Слова о полку Игореве».⁵¹ Много внимания вопросам грамматической первичности «Слова» и вторичности «Задонщины» уделено в уже указанных статьях В. Л. Виноградовой. Значительный интерес представляет статья А. Н. Котляренко «„Задонщина“ как памятник русского языка конца XIV века»,⁵² в которой автор на многих примерах показывает первичность ряда грамматических форм, встречающихся в «Слове», по сравнению с соответствующими им местами в «Задонщине». Едва ли после всех этих работ можно выдвинуть достаточно обоснованные аргументы в поддержку противоположной, скептической точки зрения, что «Задонщина» послужила источником для «Слова о полку Игореве». Однако нельзя считать, что проблема взаимоотношения «Слова» и «Задонщины» окончательно разрешена и не требует дальнейших изысканий.

В 1948 г. В. П. Адрианова-Перетц писала, что «изучение только рукописных текстов „Задонщины“ не позволяет еще окончательно решить вопрос о первоначальном ее объеме. Вопрос этот органически связан с другими: когда, в каких редакциях „Сказания о Мамаевом побоище“ появились отражения „Задонщины“? Все ли совпадения „Задонщины“ и „Сказания“ должны рассматриваться как перенесение эпизодов „Задонщины“ в „Сказание“? Не повлияло ли оно само на какие-то версии „Задонщины“? Разобраться в этих вопросах можно будет лишь после того, как будет пересмотрена литературная история текстов „Сказания“».⁵³ Недавно эту же мысль высказал Д. С. Лихачев, добавив, что для восстановления первоначального текста «Задонщины», помимо «Сказания о Мамаевом побоище», необходимо привлечь рассказ Псковской летописи о битве под Оршей, повести об Азовском осадном сидении и другие памятники древнерусской письменности, в которых можно обнаружить отражение «Задонщины».⁵⁴ Установление первоначального объема «Задонщины» чрезвычайно важно не только для изучения самой «Задонщины», но и для решения вопросов о взаимосвязи «Задонщины» и «Слова». Поэтому необходимо не только для изучения произведений Куликовского цикла, но и для изучения «Слова о полку Игореве» исследовать характер взаимоотношения «Задонщины» со всеми редакциями и списками «Сказания о Мамаевом побоище» и с летописной повестью о Мамаевом побоище.

В упомянутой выше статье А. Н. Котляренко рассматриваются именно и местоименное склонения в «Задонщине». Общий вывод, сделанный

⁵¹ В. П. Адрианова-Перетц. 1) «Задонщина». Текст и примечания. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 194—224; 2) «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — Радянське літературознавство, № 7—8. Київ, 1947, стр. 135—186; 3) «Задонщина». (Опыт реконструкции авторского текста). — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 201—255; 4) Слово о Куликовской битве Софония Рязанца (Задонщина). — В кн.: Воинские повести древней Руси. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1949, стр. 143—165; 5) «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — В кн.: Слово — памятник XII века, стр. 131—168; В. Ф. Ржигала. 1) Слово Софония рязанца о Куликовской битве («Задонщина»). Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, т. XLIII, 1947; 2) Слово Софония рязанца о Куликовской битве (Задонщина) как литературный памятник 80-х годов XIV в. — В кн.: Повести о Куликовской битве. М., 1959, стр. 377—400.

⁵² Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института, т. XV, Факультет языка и литературы, вып. 4. Л., 1956 (далее: А. Н. Котляренко), стр. 131—160.

⁵³ В. П. Адрианова-Перетц. «Задонщина». (Опыт реконструкции авторского текста), стр. 204.

⁵⁴ Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 261.

на основе изучения всего грамматического строя «Задонщины», утверждает, что этот строй «соответствует нормам живого русского языка своей эпохи», что «архаические элементы морфологии объясняются непосредственным заимствованием или влиянием Слова о полку Игоре, или, наконец, стилизацией под него».⁵⁵ Необходимо было бы с такой же исчерпывающей полнотой, с какой у А. Н. Котляренко рассмотрена морфологическая система «Задонщины», рассмотреть морфологическую систему «Слова».⁵⁶ Сопоставление итогов такого исследования «Слова» с итогами, полученными А. Н. Котляренко на материале «Задонщины», внесло бы существенные дополнения в установление зависимости между этими двумя памятниками. Ведь именно старшинство «Задонщины» пытаются утвердить скептики, отрицающие подлинность «Слова».

Наиболее последовательно и обстоятельно тезис о первичности «Задонщины» и вторичности «Слова» пытается обосновать в своих работах А. Мазон. Не соглашаясь с теми учеными, которые считают, что в Кирилло-Белозерском списке текст «Задонщины» представлен не в полном виде,⁵⁷ А. Мазон, по существу отождествляя древность списка со старшинством текста, считает «Задонщину» по Кирилло-Белозерскому списку первоначальной редакцией памятника. Все же остальные, более поздние списки представляют собой, по мнению А. Мазона, уже более позднюю переработку первоначального текста «Задонщины». А так как «Слово» текстуально ближе к поздним спискам «Задонщины», то это обстоятельство дает А. Мазону основание поставить такой, как он говорит, принципиальный вопрос: «Если бы „Слово“ принадлежало средневековому поэту, то было бы удивительно, что его («Слова о полку Игоре», — Л. Д.) черты ощутимее в поздних списках „Задонщины“, чем в самом древнем».⁵⁸ Критике этого тезиса А. Мазона уделено много внимания в работе В. П. Адриановой-Перетц «„Задонщина“ (Опыт реконструкции авторского текста)».⁵⁹ Однако это положение имеет столь важное значение в решении вопроса о первичности «Слова о полку Игоре» и вторичности «Задонщины», что к нему необходимо вернуться. Следует снова самым тщательным образом проанализировать характер взаимоотношений Кирилло-Белозерского и всех остальных списков «Задонщины». В последнее время Я. С. Лурье удалось воссоздать весьма интересный и своеобразный облик книжника конца XV в. — инока Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина,⁶⁰ рукой которого написан Кирилло-Белозерский список «Задонщины». Новое представление о литературно-книжной деятельности Ефросина открывает возможности глубже проникнуть в сущность отличительных особенностей Кирилло-Белозерского списка «Задонщины». Надо рассмотреть некоторые характерные черты «Задонщины» по списку Ефросина в связи с особенностями, присущими другим переписанным им текстам. Представляется целесообразным сопоставить «Слово о полку Игоре» не с реконструированным текстом «Задонщины», что имело место до сих пор, а с каждым списком в отдельности, уделяя особое внимание

⁵⁵ А. Н. Котляренко, стр. 158 и 160.

⁵⁶ Статья А. Н. Котляренко представляет лишь часть диссертации автора на эту тему. Думается, что было бы весьма целесообразно опубликовать эту диссертацию полностью.

⁵⁷ В. П. Адрианова-Перетц считает Кирилло-Белозерский список записью, «сделанную по памяти» (ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 221).

⁵⁸ А. Мазон. Le slovo d'Igor. Paris, 1940, стр. 49.

⁵⁹ ТОДРА, т. VI, стр. 205—217.

⁶⁰ Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 130—168.

разночтениям Кирилло-Белозерского списка с остальными и характеру отношения этих мест с текстом «Слова о полку Игореве».

В спорах о подлинности «Слова о полку Игореве», о времени создания памятника центральной остается проблема взаимоотношения «Слова» с «Задонщиной», чем и объясняется важность этой темы в дальнейшем изучении «Слова о полку Игореве».

На протяжении очень длительного времени и в работах, специально посвященных «Слову о полку Игореве», и в общих исследованиях по истории русского литературного процесса подчеркивалась необычность, исключительность «Слова о полку Игореве» на фоне всей древнерусской культуры. Объяснялось это традиционно восходящими еще к XIX в. представлениями о состоянии русской культуры в средние века. Здесь нет нужды подробно говорить о том, что на основании данных, полученных историками, археологами, историками культуры, историками литературы Древней Руси, наше представление о культурном развитии Руси XI—XVII вв. коренным образом изменилось: мы имеем все основания утверждать, что и в эстетическом, и в техническом отношении культура Древней Руси стояла на высоком уровне развития. Неверная точка зрения об одиночестве, оторванности «Слова» от окружающих его явлений культурной жизни Руси XII в. в целом ряде исследований специалистов была решительно пересмотрена, а «Слово» было поставлено в рамки тех литературных и культурных явлений, которые характерны для развития русской литературы, русского искусства той поры.⁶¹ Отличаясь высокими художественными достоинствами, «Слово» тесно связано в стилистическом отношении и отдельными жанровыми признаками с некоторыми произведениями XII—XIII вв.⁶² Однако до сих пор проявляется тенденция считать «Слово» чем-то совершенно необычным, возвышающимся на фоне всей древнерусской литературы и культуры, единственным литературным памятником Древней Руси. Совсем недавно эта точка зрения наиболее ярко проявилась в статье Л. И. Емельянова «К вопросу о фольклоризме древней русской литературы».⁶³ Критикуя ряд положений этой статьи Л. И. Емельянова, а также общую концепцию неверного отношения к культурному наследию прошлого, имеющую до сих пор некоторых сторонников, Д. С. Лихачев, в частности, отмечает, что «древнерусская литература действительно мало известна и далеко еще не оценена полностью с эстетической точки зрения... в целом эстетическая ценность литературы древней Руси ждет еще своих исследователей».⁶⁴ В свете всего сказанного становится совершенно очевидным, что одной из важнейших очередных задач древнерусского литера-

⁶¹ Н. Н. Воронин. «Слово о полку Игореве» и русское искусство XII—XIII вв. — В кн.: Слово о полку Игореве. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 320—351; Д. С. Лихачев. 1) Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк. М.—Л., 1950; см. также: издание 2-е, дополненное. М.—Л., 1955; 2) «Слово о полку Игореве» — героический пролог русской литературы. М.—Л., 1961; 3) «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы. — В кн.: Слово — памятник XII века, стр. 300—320.

⁶² Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы, стр. 305—310.

⁶³ Русский фольклор. Материалы и исследования, т. VII. М.—Л., 1962, стр. 26—43.

⁶⁴ Д. С. Лихачев. Об эстетическом изучении памятников культуры прошлого. — Вопросы литературы, 1963, № 3, стр. 106.

туроведения является глубокое изучение художественной специфики древнерусской литературы, раскрытие эстетической ценности древнерусских литературных памятников. Необходимо, коль скоро даже у специалистов-литературоведов до сих пор наличествует мнение об отсутствии в Древней Руси литературных памятников, начать разностороннее изучение и популяризацию памятников древнерусской литературы как произведений именно литературных, художественных, имевших эстетическое значение не только в то время, когда они создавались, но и сохранивших эту ценность до сих пор. Работа в этом направлении является одной из важных, очередных задач и в изучении «Слова», так как она поможет глубже проникнуть в художественно-эстетическую специфику «Слова о полку Игореве», точнее определить место этого памятника в литературном процессе Древней Руси.

С этим главнейшим вопросом в изучении «Слова о полку Игореве» тесно связаны проблема взаимоотношения «Слова» с народным творчеством, вопрос о жанровой природе памятника, о его месте в международном литературном процессе, вопрос о ритмике «Слова о полку Игореве».

Глубокая связь «Слова» с народной поэзией не вызывает сомнений. В свое время это уже почувствовал А. С. Пушкин, об этом же говорил В. Г. Белинский, вопрос этот неоднократно привлекал внимание исследователей «Слова о полку Игореве». Тема взаимоотношения «Слова» с народным творчеством разрабатывалась в последнее время В. П. Адриановой-Перетц.⁶⁵ Принципиально новой и важной в методологическом отношении является мысль В. П. Адриановой-Перетц, что причиной совпадения «Слова о полку Игореве» с народным эпосом «в самом методе отражения действительности является не „влияние“ фольклора, не подчинение ему писателя, а то, что этот писатель поставил перед собой задачу, аналогичную цели героических устных песен».⁶⁶ Рассмотрение взаимостношений «Слова» с фольклором необходимо продолжить. Проблема фольклорности «Слова» тесно связана с вопросами о художественной специфике этого произведения и о художественных особенностях древнерусской литературы вообще. Л. И. Емельянов, считая, что «Слово о полку Игореве» — «первое произведение литературы, поставившее собственно художественные задачи», возводит эту художественность «Слова» только к единственному источнику, «которого по тем временам не мог заменить никакой другой, — к фольклору, единственному собственно художественному проявлению национального сознания той эпохи».⁶⁷ Разумеется, с таким утверждением согласиться никак нельзя. Если даже не признавать наличия собственно художественных задач наряду с задачами публицистическими, историческими и тому подобными ни в одном из памятников древнерусской литературы, кроме «Слова» (что, конечно, совершенно неверно), то и в этом случае нельзя забывать о культурных международных связях Древней Руси, которые не могли не оказывать влияния на древнерусскую эстетику. Поэтому возводить всю художественную специфику

⁶⁵ 1) Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947; 2) Древнерусская литература и фольклор (к постановке проблемы). — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 5—16; 3) «Слово о полку Игореве» и русская народная поэзия. — ИЮЛЯ, т. IX, вып. 6. М.—Л., 1950, стр. 409—418; 4) «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия. — В кн.: Слово о полку Игореве. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 291—319.

⁶⁶ «Слово о полку Игореве» и русская народная поэзия, стр. 301.

⁶⁷ Л. Емельянов. К вопросу о фольклоризме древней русской литературы, стр. 33.

«Слова» только к фольклору нельзя, необходимо учитывать при решении этого вопроса художественную специфику и древнерусских литературных памятников, в том числе и переводных, и принимать во внимание данные сравнительного литературоведения. Заметим, что о плодотворности и необходимости изучения «Слова» «в его широком общеевропейском окружении» не так давно напоминал Д. С. Лихачев в рецензии на книгу Ю. Бешаровой.⁶⁸ Увлекаясь фольклоризмом «Слова», нельзя забывать о наличии в памятнике элементов книжности, риторичности, не нужно только расценивать это как какой-то недостаток: к памятнику XII в. надо подходить как к памятнику XII в., а не с точки зрения сегодняшних эстетических норм, с такой точки зрения мы можем лишь оценивать значение памятника древности в наши дни, а не его место в литературном процессе своей эпохи. В этой связи, как кажется, следовало бы напомнить очень интересные и ценные работы о книжно-риторических элементах в «Слове» В. Н. Перетца.⁶⁹ Углубляя разработку проблемы «„Слово о полку Игореве“ и фольклор», необходимо продолжить и разработку вопроса о книжно-риторических элементах в памятнике. Исследование этих сторон «Слова» поможет и в дальнейших изысканиях по вопросу о жанровой природе «Слова о полку Игореве». Несмотря на то что выдвинутая И. П. Ереминим гипотеза об ораторском характере жанра «Слова о полку Игореве»⁷⁰ не получила общего признания и вызвала ряд возражений,⁷¹ нам представляется, что эта гипотеза все же наиболее убедительна и дает единственное обстоятельно и последовательно аргументированное объяснение жанровых особенностей «Слова» во всей их совокупности. Особо заслуживают внимания типологические сопоставления И. П. Ереминим жанровых признаков «Слова» с античными и византийскими образцами ораторского искусства.⁷² К сожалению, из-за существовавшего одно время предвзятого отношения к вопросам сравнительного литературоведения эта плодотворная мысль не получила дальнейшего развития, и теперь настало время продолжить анализ жанровых признаков «Слова», привлекая данные не только русской литературы, но и других литератур. Как признавал и сам И. П. Еремин, его предположения о жанре «Слова» не могут претендовать на окончательность и требуют дальнейшей разработки. В частности, спе-

⁶⁸ Д. С. Лихачев. *Justinia Besharov. Imagery of the Igor' tale in the light of byzantinoslav ic poetic theory.* Leiden, 1956. — ИЮЛЯ, т. XV, вып. 6, М.—Л., 1956, стр. 549—552.

⁶⁹ 1) К изучению «Слова о полку Игореве», I—IV. Изд. АН СССР, Л., 1926 (см. разделы: «Слово» и Библия; «Слово» и «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия); 2) «Слово о полку Игореве» и исторические библейские книги. — Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского (СОЛЯС, т. СІ, № 3), 1928, стр. 10—14; 3) «Слово о полку Игореве» и древнерусский перевод библейских книг. — ИПОЛЯС, т. III, кн. 1, 1930, стр. 289—309.

⁷⁰ И. П. Еремин. 1) Слово о полку Игореве. (К вопросу о его жанровой природе). — Ученые записки ЛГУ, № 72, Серия филологических наук, вып. 9, 1944, стр. 3—18; 2) «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси. — «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. М.—Л., 1950, стр. 93—129; 3) К вопросу о жанровой природе «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 28—34.

⁷¹ А. А. Назаревский. 1) Вопрос о жанровой природе «Слова о полку Игореве». — IX научная сессия. Тезисы докладов. Киевский государственный университет, Секция филологии. Киев, 1952, стр. 6—9; 2) О жанровой природе «Слова о полку Игореве». — Наукові зап. Київського держ. ун-ту, т. XIV, вып. 1, 36. филолог. ф-ту, № 7, 1955, стр. 113—144; 3) Еще о жанровой природе «Слова о полку Игореве». — Вісник Київського ун-ту, № 1, Серія філології та журналістики, вип. 2, Литературознавство. Київ, 1958, стр. 68—71.

⁷² И. П. Еремин. Слово о полку Игореве. (К вопросу о его жанровой природе).

циального исследования заслуживает вопрос: в чем «Слово» отступает от норм и традиций жанра ораторского искусства? А для решения этого вопроса, как отмечал И. П. Еремин, недостаточно привлечения данных только памятников древнерусского ораторского искусства, необходимо обратиться к произведениям ораторского искусства и в иноязычных литературах.⁷³

К кругу перечисленных вопросов непосредственно примыкает и вопрос о ритмике «Слова о полку Игореве». Последней работой на эту тему является статья Л. И. Тимофеева «Ритмика „Слова о полку Игореве“».⁷⁴ Статья эта лишь иллюстрирует давнее высказывание М. П. Штокмара о том, что «предвзятая мысль о стихотворном характере ритма „Слова о полку Игореве“ неизбежно приводила исследователей к ряду натяжек и прямых ошибок».⁷⁵ Стараясь доказать свое предположение, что «ритмика „Слова“ покоится на традиции народного былинного стихосложения»,⁷⁶ Л. И. Тимофеев в своей реконструкции текста «Слова» прибегает к ряду перестановок в тексте, чтобы подогнать этот текст под определенный размер. Едва ли такая реконструкция может быть убедительной. При этом в статье совершенно не ставится вопрос о том, могла ли в XII в. «традиция былинного стихосложения» подчиняться тем же закономерностям, что и былинный стих в фольклорных записях XIX—XX вв. Разумеется, вопрос о ритмической структуре «Слова» требует решения. Однако подходить к решению этого вопроса, так же как и к решению вопросов о языке «Слова», необходимо не с точки зрения наших представлений о стихотворных размерах XVII—XX вв., а с учетом этих данных, изучив древнерусское стихосложение, в частности, закономерности ритма древнерусских церковных песнопений, попытаться определить, что могло представлять собой русское стихосложение в XII в., и, исходя из этих данных, попытаться разрешить вопрос о ритмических закономерностях «Слова о полку Игореве». Только этим путем можно прийти к каким-то объективно убедительным результатам. Это весьма важный вопрос в изучении и «Слова о полку Игореве», и древнерусской литературы вообще; решение его является одной из очередных, актуальных задач древнерусского литературоведения.

В последние годы усилился интерес к вопросам, связанным с историей «Слова» в конце XVIII—начале XIX в. Эта тема в изучении «Слова» весьма плодотворна и дала много новых и интересных материалов: удалось установить издательско-текстологические приемы, которыми руководствовались первые издатели «Слова о полку Игореве»,⁷⁷ выяснить степень исторической осведомленности издателей при работе над «Словом»,⁷⁸ уточнить историю первого издания «Слова о полку Иго-

⁷³ И. П. Еремин. К вопросу о жанровой природе «Слова о полку Игореве», стр. 34.

⁷⁴ Русская литература, 1963, № 1, стр. 88—104.

⁷⁵ М. П. Штокмар. Ритмика «Слова о полку Игореве» в свете исследований XIX—XX вв. — В кн.: Старинная русская повесть. М.—Л., 1941, стр. 78.

⁷⁶ Л. И. Тимофеев. Ритмика «Слова о полку Игореве», стр. 102.

⁷⁷ Д. С. Лихачев. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII века. — ТОДРЛ, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 66—89.

⁷⁸ А. В. Соловьев. Екатерининский список и первое издание Слова. — В кн.: Слово о полку Игореве в переводах конца восемнадцатого века. Leiden, E. J. Brill, 1954, стр. 1—30.

реве».⁷⁹ Большой интерес представляет обстоятельная статья Ю. М. Лотмана «Слово о полку Игореве и литературная традиция XVIII—начала XIX в.»,⁸⁰ в которой автор, сопоставляя литературно-эстетические нормы и представления, историко-философское мировоззрение той эпохи с художественно-историческими принципами «Слова», приходит к убедительному выводу, что в XVIII—начале XIX в. «Слово» создано быть не могло. Как видим, в этой области изучения «Слова» сделано немало, но необходимо продолжить и углубить разработку этой темы. Следует подробнее, чем это делалось до сих пор, остановиться на рассмотрении всей деятельности А. И. Мусина-Пушкина. Следовало бы более пристально рассмотреть вопрос о возможности участия в подготовке к изданию «Слова» И. Н. Болтина. Необходимо тщательнее изучить архивы всех лиц, близких к А. И. Мусину-Пушкину, каким-либо образом связанных с его собирательской деятельностью, с историей подготовки к печати «Слова о полку Игореве». Поиски в этом направлении могут дать очень ценные и интересные материалы по истории открытия рукописи «Слова», расширить наше представление о первоначальной работе над «Словом», о характере отношения к «Слову» в конце XVIII—начале XIX в. Было бы целесообразно по типу исследования Ю. М. Лотмана проанализировать грамматические формы «Слова о полку Игореве» в сопоставлении с языковыми нормами XVIII—начала XIX в. и лингвистикой того времени.

К кругу вопросов, связанных с темой «„Слово о полку Игореве“ и XVIII век», примыкает и вопрос о татищевском рассказе в его «Истории Российской» про поход Игоря Святославича Новгород-Северского в 1185 г. Необходимость тщательно исследовать рассказ В. Н. Татищева о походе Игоря подчеркивалась неоднократно, в частности недавно об этом упомянул А. В. Позднеев.⁸¹ Сейчас, когда предпринято переиздание «Истории Российской» В. Н. Татищева на современном научном уровне, с привлечением всех списков «Истории»,⁸² бесспорно создадутся весьма благоприятные условия для работы над этой проблемой. Пока же нам хочется наметить некоторые направления, по которым, на наш взгляд, должно пойти исследование этой темы.

Если мы сопоставим текст рассказа В. Н. Татищева о походе Игоря в 1-й редакции его «Истории» (по рукописи БАН 17.17.11., лл. 252—254 об.) со 2-й редакцией (печатным текстом «Истории»), то обнаружим ряд значительных отличий. В 1-й редакции рассказ значительно короче, проще, отсутствуют многочисленные детали и эпизоды, читающиеся во 2-й редакции, язык рассказа во 2-й редакции более подновлен по сравнению с рассказом 1-й редакции. Говоря об общих принципах «Истории» В. Н. Татищева, С. Л. Пештич отмечает: «Для реального изображения и объяснения событий истории Татищев вводил множество речей, писем, договоров, крестоцелований и тому подобные рационалистические приемы. То же самое можно сказать о подробностях, внесенных Татищевым при описании

⁷⁹ The Archetype of the First Edition of the Igor Tale by Roman Jakobson, offprint from Harvard library bulletin, v. VI, n. 1. Winter, 1952, стр. 5—14; Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве».

⁸⁰ Слово — памятник XII века, стр. 330—405.

⁸¹ А. В. Позднеев. Слово о полку Игореве и летописи. — Труды Московского государственного заочного педагогического института. Проблемы истории литературы, вып. 1. М., 1961, стр. 7—32.

⁸² Первый том под редакцией А. И. Андреева, С. Н. Валка и М. Н. Тихомирова вышел в 1962 г.: В. Н. Татищев. История Российская. В семи томах. Т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962. Второй том под редакцией С. Н. Валка и М. Н. Тихомирова вышел в 1963 г.: В. Н. Татищев. История Российская. В семи томах. Т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1963.

битв, княжеских отношений, градостроительства, школ, образованности и т. д.».⁸³ Наиболее сильно эта тенденция проявляется во 2-й редакции «Истории». Было бы очень интересно рассмотреть все добавления и изменения в рассказе о Игоровом походе во 2-й редакции «Истории» по сравнению с 1-й для того, чтобы конкретно представить себе, как один из передовых и талантливых людей XVIII в. интерпретировал и понимал рассказ о походе Игоря, и сравнить эту переработку и интерпретацию событий XII в. человеком XVIII столетия с рассказом об этом же событии в литературном памятнике XII в., в «Слове о полку Игоре», т. е. проделать на конкретном материале то, что на широком фоне было сделано Ю. М. Лотманом.

Для описаний событий XII в. В. Н. Татищев пользовался главным образом Ермолаевским списком Ипатьевской летописи.⁸⁴ Это безусловно обнаруживается и на пересказе событий 1185 г. В значительной части рассказ В. Н. Татищева совпадает с рассказом Ипатьевской летописи, нередко дословно даже в отношении грамматических форм слов. Но можно отметить и различия, часть которых представляет интерес и без анализа которых невозможно решать вопрос об отношении «Слова» к летописным рассказам о походе Игоря. Так, например, описание затмения («Сие знамение бысть мая 1 в среду в вечерни. В рогах же его аки уголь жарок»), отсутствующее в Ипатьевской летописи, совпадает у Татищева с соответствующим рассказом в Лаврентьевской. Значительно отличается у Татищева рассказ о начале второй битвы от соответствующего места в Ипатьевской летописи, не совпадая при этом и с Лаврентьевской.

Татищев

И отдыхав поидоша к Донцеви помалу, вси вкупе. Наутрие же приидоша на ня половцы в силе тяжце, и оступиша я. Тогда начаша мнози роптати на князя. Игорь же рече: «Братие, се ведаючи идохом. И собрахом на ся землю половецкую всю...»

Ипатьевская летопись

И облегоша ту. Светаючи же суботе, начаша выступати полци половецкии, акы борове. Изумешася князи Рускии, кому и х которому поехати, бысть бо их бещисленное множество. И рече Игорь: «Се, ведаюче, собрахом на ся землю всю...»

Заслуживает внимания слово «оступиша» у Татищева, которого нет в летописи, но которое вероятнее всего восходит к какому-то источнику Татищева, а не употреблено им самим, так как во 2-й редакции «Истории» этому слову соответствует: «и объехали кругом». В соответствующем месте в «Слове о полку Игоре» мы читаем это же слово, ошибочно переданное первыми издателями: «и отъ всѣхъ странъ Рускыя плѣкы отступиша» (общепринятая конъектура «оступиша»).

Представляет интерес то обстоятельство, что Татищев не называет реки Каялы, хотя текстуально соответствующее место близко к Ипатьевской летописи:

Татищев

И тако кончися полк тон во вторую седмицу Пасхи, бысть вместо радости печаль и плачь велии.

Ипатьевская летопись

И тако во день святого воскресения наведе на ны господь гнев свой, в радости место наведе на ны плачь и во веселья место желю на реце Каялы.

Из приведенных примеров, а их можно было бы умножить, становится совершенно очевидным, что тщательный текстуальный анализ татищев-

⁸³ С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, ч. I. Изд. ЛГУ, 1961, стр. 248—249.

⁸⁴ Там же, стр. 258.

ского рассказа о походе Игоря по разным редакциям его «Истории» в сопоставлении его с летописными рассказами о походе Игоря и со «Словом о полку Игореве» поможет не только уточнить исторические обстоятельства Игорева похода, разобраться в вопросе о взаимоотношении летописных рассказов и «Слова», но и даст интересный материал для изучения самого текста «Слова о полку Игореве». Эта тема ждет своего исследователя, и разработка ее бесспорно принесет интересные результаты.

Мы наметили лишь некоторые вопросы в изучении «Слова о полку Игореве». Разумеется, это далеко не все проблемы, которые стоят перед исследователями «Слова».⁸⁵ Однако обращение именно к этим вопросам, несмотря на то что многие из них на первый взгляд имеют второстепенное значение, представляется нам наиболее первоочередным, так как без решения их трудно идти успешно дальше в изучении «Слова о полку Игореве».

⁸⁵ Ряд вопросов, стоящих на очереди в изучении «Слова о полку Игореве», намечен в ответах на вопросы по литературоведению к IV Международному съезду славистов. См.: IV Международный съезд славистов. Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958. Ответы на вопрос № 7: «Какие возникают задачи дальнейшего изучения „Слова о полку Игореве“?», стр. 25—45.